

ГЕННАДИЙ КОЖЕМЯКИН

Дважды отважный

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Геннадий Кожемякин

**Дважды отважный.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Кожемякин Г. Г.

Дважды отважный. Сборник рассказов / Г. Г. Кожемякин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747893-3

Сборник разноплановых рассказов, изобилующих неожиданным сюжетным поворотом и, как правило, совсем уж неожиданной концовкой.

ISBN 978-5-44-747893-3

© Кожемякин Г. Г.
© Издательские решения

Содержание

Дважды отважный	6
Игра в классики	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дважды отважный Сборник рассказов Геннадий Геннадьевич Кожемякин

*Памяти, моего друга, ветерана группы «Альфа» – Валерия
Васильева, книга посвящается*

© Геннадий Геннадьевич Кожемякин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я с Валерой. Он слева.

Дважды отважный

В те достопамятные годы, годы конца эпохи «застоя», Василий Борисович Кузькин, был ещё не очень старым человеком. Был он худощав и немного, такой, несуразный. Напоминал чудака – учёного из старых кинофильмов. Где актёры играли нарочито и тщательно, преувеличено чётко выговаривая фразы.

В прошлом, Борисыч, как его все называли, работал учётчиком в колхозе «Заветы Ильича», это такая должность – «ответственный, за всё».

Так вот, хотя был он и не слишком старым, но угнетали его две беды: сильно пьющая дочь – Полина, рано потерявшая мать, и оттого, какая-то вечно неприкаянная. Хотя и добрая, хорошая. А ещё – постоянная нехватка денег на воспитание внука Васьки. Который, всё больше вырослел и, соответственно требовал затрат. Точнее сказать – Васька – то их не требовал, а требовала ситуация. Что бы не хуже чем у других.

Да! Сильно его убивал алкоголизм родной дочери... И, поделаться с этим было ничего нельзя, а пытаешься что – то поделаться – только угнетаешься, отчаиваешься ещё больше. Потом уже. От безысходности! От того, что всё – как об стенку горохом!

Вся его пенсия, как есть, уходила на всякое – разное, более или менее необходимое для Васьки.

Василий Борисович, навсегда запомнил то утро, осени 1982 года. Накануне были похороны Леонида Ильича Брежнева, колхозники были растеряны, какое – то опустошение охватило всех! Шутка ли? САМ – дуба дал! А буквально, спустя несколько дней, после похорон, люди поняли, что отныне они будут жить в другой стране. Железная рука ВЧК – КГБ железной же метлой выметала наследие «гениального писателя» и Генерального секретаря ЦК КПСС, Леонида Ильича Брежнева.

Новый генсек, сменивший Ильича, решил не болтать, а работать, словно бы предчувствуя, что времени ему отпущено – очень мало!

Василий Борисович, ещё с лета, по договору с ушлым завхозом колхоза «Свет Ильича», переволок в свой собственный сарай общественный мотор для лодки. Завхоз уверял, что всё чисто, просто, мол, от жены заначка будет.

– Он списанный, Борисыч, но вполне на бегу! А значит – что? А значит то, что неча добру пропадать. Торопиться не будем, а как пройдёт «инкубационный период», отдадим его рыбакам рубликов за пятьдесят – шестьдесят, поделим, вот и води внука в кино хоть два года подряд! – вещал словоохотливый завхоз.

Борисыч нутром чуял, что, что-то нечисто тут, но думать об этом не хотел, тридцать рублей – были бы – ох, каким подспорьем для внука перед новым учебным годом!

Однако завхоз с продажей мотора не торопился, да и дед о нём всё реже вспоминал. Завалил поленьями – и ладно. Лежит мотор, промасленный под брезентом и поленьями – каши не просит.

Вот, только, то, что было – вроде ничего, при Брежнев, стало совсем иначе выглядеть при генерале госбезопасности Юрии Андропове. Теперь «несунам» давали реальные сроки! А чёртов завхоз – всё тянул с продажей! Борисыч, уже готов был от любых денег отказаться, лишь бы исчез злополучный мотор из его сарая! Был бы, вереран, в прежних силах – сам бы выволок его ночью на тачке, да утопил в озере!

Была ещё одна печаль у Борисыча, куда-то запропастилась – медаль «За победу над Германией». Не довелось ему с фронта с боевыми наградами вернуться и, хотя китель его всё тяжелел от новых юбилейных медалей, но они то, фронтовики, знали – что это всё – для пестроты при солнечных лучах. Как понацепят – «10 лет победы»; «20 лет победы»; «25 лет победы».... А кому от этого прок? Для пионеров дремучих, да молодёжи пороуху не нюхав-

шей. Вот, «За победу над Германией» – ещё куда ни шло, конкретная награда, хоть и всем её давали, кто в войне участвовал... Опять же – профиль Верховного... Солидно! Пропала. Очень обидно. Особенно обидно, что на парадах, те кто с боевой наградой вернулся, подначивали таких юбилейных медаленосцев, особенно, когда отметятся хорошо сорокоградусной. Тогда и бывало разное...

«Иди, мол, к нам, боец – „сорок лет без урожая“ (так называется „иконостас“ из юбилейных медалей), выпьем вместе за победу! Не всем же героями быть! Не журись, идём – выпьем...»

Не раз Борисыч, осекал таких:

– Ты язык попрдержжи, «герой Перекопа»! Я как все воевал, понял? В гвардии!

Был Борисыч крепок и высок, хоть и неуклюж немного. Обычно записные «герои» сразу прекращали шутки, да и фронтовое братство никто не отменял.

А при Юрии Владимировиче Андропове заработали не только производственники, милиция, но и военкоматы.

И то, солнечное январское утро, когда румяный с мороза «военкомовский» подполковник, сопровождаемый корреспондентом районной газеты и поселковым главой, шумно вломились к Кузькину, для вручения ордена «Слава», он никогда не забудет! Молодой, юркий корреспондент тогда достал из портфеля полулитр «Посольской», (Борисыч и не пил такой сроду!) – диво – дивное. Обмыли награду! Даже в стакан с «Посольской» серебряную звезду окунали! Корреспондент сказал тогда: «Какая водка – такая и награда!» И все смеялись. Соседи подошли на шум веселья... С самогоном. Репортёр, прежде всех напился и только улыбался и кричал: – Награда нашла героя! Выпьем, товарищи!!

А потом крепко обнимал Борисыча и всё твердил:

– Ты хоть понимаешь, дед, каким орденом тебя партия и правительство наградило!? Орденом Славы! Ты хоть понимаешь, что это за орден, дед!?

А внук потом ходил, сиял, как будто его самого наградили... Весь вечер Борисыч нетвёрдыми руками, отцеплял с кителя юбилейные медали, а вместо них аккуратно прикрепил боевой геройский орден! На новёхонькой колодке цветов, уважаемой всеми в веках – Георгиевской ленты. Всем же фронтовикам было ясно, что таким хитрым способом Сталин тогда воскресил солдатский Георгиевский крест! Не подрывая устоев социализма, так сказать.

Прикрепил. Покрутился перед зеркалом... и перевесил его заново. Потом опять, уже – с наклоном прицепил.

Так и перевешивал, пока весь лацкан не взлохматил...

Всю зиму, Василий Борисович мечтал, как наступит весна, а она, ведь, быстро пролетает, и придёт 9 мая. Он наденет, свой новый пиджак – китель, и на нём ни одной юбилейной медали, никаких цацек! Только справа знак «Гвардия», а слева одинокий орден «Слава». Они поедут на ветеранском автобусе в райцентр. А там корреспонденты, юннаты какие-нибудь налетят! Все будут спрашивать – за что это, мол, вас наградили? Расскажите, дед!

А он, поначалу, будет небрежно отмахиваться, – «да ладно, воевал как все, мол.»

– И всё-таки, Василий Борисович? Ну расскажите!

И тогда Борисыч, степенно откашляется, достанет попироску и неспешно, нараспев, затаит о том, как оно всё было то...

– Рота наша, геройская, во главе со старшим лейтенантом Сидоркиным, сильно вперёд выдвинулась под Гродно. Поторопились мы, а наши фланговые застряли. Едва в клещи мы тогда не попали. Против нас стоял батальон «Ваффен – СС». Это такие гады стойкие. Фанатики. Никто с ними воевать не любил. Сперва накрыли они наше наступление, а потом сами

на нас попёрли, отрезая с флангов. Сидоркин – умница, вовремя это понял и стал роту выводить к своим.

Ну, остался я отход наших, прикрывать. Вот. Говорю же – немцы тогда в контратаку перешли. А мы – не готовы!

Пулемёт мне оставили, дисковый. Вот. Я сам тогда вызвался. Надо было, а то б все пропали там! Вся рота переправиться смогла, через речушку. Спаслись в основном. А я уцелел случайно, немцы боком прошли, а собак у них не было. Метров в двадцати от меня ближние были. Да. Под ракитой двое суток лежал, ноги в воде, а туловище на берегу, в высокой траве. И силы с перепугу покинули. Только водичку прихлёбывал прямо из реки, да «солитёрного карпа» руками выловил, под воду – то он не мог уйти, сами знаете, пузырь подточен... Паразита я вычистил, а мясо-то само, у него нормальное. Его только и удалось отведать за всё это время. Так и съел сырого, а то б не дошёл до своих, сил не было. В сырой рыбе, говорят, сок особый! Силу даёт.

А как пришёл к своим – те обалдели! Мы, говорит, уже похоронку отправили и, в штаб, наградное на «Красное Знамя» – посмертно.

Я потом даже особисту доказывал, что не был схвачен немцем, он всё поверить не мог! Но не бил. Допросил, конечно.

– Смотри, говорит, таких везучих не бывает, я мол, сам теперь буду за тобой присматривать! – Лейтенант Брусникин, такой.

– Так вот и воевали! – дед, стоя перед зеркалом, всё входил в роль дающего интервью. – Многие геройствовали, по нынешним понятиям. А тогда нам казалось, – вроде своё дело делаем и ладно!

Другое плохо. Про похоронку – отозвать забыли, – не до того было, едва второй раз в котёл не угодили через неделю! Моя, и получи – похоронку. Слегла. Сразу-то не умерла, выходили, да и дочь держала, а только надорвала здоровье сильно.

С орденом, зато не забыли... Брусникин тогда говорил:

– «Красное знамя» – это после Героя, аккурат – вторая награда. А если, что не так окажется – у всех, до комдива головы полетят. И вообще – «Знамя» – офицерский орден (тоже мне – выдумали, – солдатский, офицерский!)

Вздохнёт, тут, Борисыч и замолчит.

И так это всё живо представил себе Борисыч, что слёзы навернулись. Не привык он к интервью, «юбилейный кавалер».

* * *

Сентябрь 1943 года, Расположение стрелкового батальона, Н – ского пехотного полка, гвардейской стрелковой дивизии.

Командир роты, старший лейтенант Сидоркин:

– ... А что ты предлагаешь, – устную благодарность объявить ему за то что он целую роту спас ценой своей...

– Ну, во – первых, – не ценой! Он живой, как видишь! – запальчиво перебил особист. – Чудеса, прямо! Если б погиб он, посмертно – хоть Героя пиши! – отрезал Брусникин. А так – нет! Я против.

– И что?

– А ничего! Подождём. Возьмём пару языков, на неделе. У нас Акчурин, чертяка татарский, давно за линию фронта не ходил, со своими головорезами. Вот, кстати, кого награждать надо!

Ситуацию в целом – прослушаем, просифоним. Тогда и решим. А то, может он перевербованный уже! С заданием заслан! Где он шлялся трое суток!? А мы голову ломаем – чем его наградить!

А пока, в тыловую часть его лучше, с предписанием – «повнимательнее».

Но Сидоркин, закалённый в боях на Курской дуге, оказался упрямым, настоящим фронтовым ротным. Орден «Боевого Красного Знамени» он, заменил на «более солдатский, и менее шумный» – орден «Славы»! И написал представление «наверх» собственноручно, под свою ответственность. Уж, он то хорошо понимал – кому вся рота обязана своим спасением.

* * *

А ещё дед помнил разговор с внуком, в год московской Олимпиады. Очень он ему в память тогда запал... Теперь, он без боли его вспоминал. С наградой-то! А тогда...

Он зашёл к Ваське в комнату, тот читал книгу.

– Что делаешь, медвежёнок?

Вася читал книжку про войну. «Танки идут ромбом».

Обернулся он на Борисыча. Посмотрел как-то пристально. – Дед, а дед? – А что надо, что бы стать героем?

– Ничего не надо! Каким ещё героем!? Учись, внук, получше, вот и всё твоё геройство!

– Ну, это ты так, потому что сам такой мирный...

– Какой ещё мирный? – насторожился дед.

Внук понял, что брякнул лишнее...

– Ну, дочка твоя пьёт, а ты и... ничего. Другой бы живо воспитал!

Было ясно, что он, что – то не договаривает. Пауза вышла неловкой.

– И на войне... ты тоже. Так говорят. А я – в Афганистан пойду! – выпалил Васька.

– Это как решишь. В Афганистан... А что – я на войне-то? Воевал как все, гвардейцем был. В геройской Краснознамённой дивизии служил.

– Это потому что у вас часть гвардейская! Часть – гвардейская – все гвардейцы!

– Да? А ты хоть знаешь – какой спрос с каждого в гвардейском подразделении!? Молокосос ты... Ах, ты...

У тебя дед – фронтовик! А ты...

– А у Веника, дед тоже фронтовик! И говорит, что ты – «мирно воевал». Это как – мирно?

– Да – дурак он, твой дед Веника! Он думает, если у него медаль – «За боевые заслуги», то это он войну выиграл! Такие медали у каждого второго фронтовика, почитай...

Васька хотел крикнуть:

– «Но у тебя-то и такой нет!», но промолчал. И дед почувствовал, что именно не сказал внук. И только горько махнул рукой и ушёл в сарай.

А теперь, дед, просыпаясь ночью, включал ночник, подходил к «кителю», на котором одиноко сиял чистым серебром «орден Славы». И спазм подкатывал к горлу и, одновременно, в носоглотке, где – то щекотно становилось... Закрывал дверь поплотнее, в комнату внука и закуривал. Он представлял митинг Победы в райцентре... Наверное, теперь и «Слово говорить» на открытии придётся. С трибуны. Если предоставят. Что ж говорить то!? – Надо будет несколько слов написать заранее и выучить, а то стыда не оберёшься, что не так брякнешь...

Потом выкуривал вторую, прокручивая будущий ход торжественных мероприятий и ложился спать. До Дня Победы оставался всего месяц!

Проснулся он от чьего-то шумного визита. Сквозь сон понял, что это люди казённые... Он услышал басовитое, начальственное:

– Здесь проживает Василий Борисович Кузькин!?

Всё похолодело внутри Борисыча. – Из за мотора проклятого пришли!! Мгновенно пронеслась в голове ветерана дальнейшая цепь событий: плачущий внук, суд, позор... ПОЗОР!!! Что-то сдавило обручем грудь... Завхоз проклятый!

– Есть кто дома, хозяева? – снова пробасил незнакомый начальственный голос! – Товарищ Кузькин!

Ещё чьи-то голоса.

Убереги, Господи!

Суд! Позор! Позор! Суд...

– Вот, вы где спрятались! – дверь распахнулась, в дверях стояли двое военных и штатский.

– Приболел я, товарищи... – проперхал Борисыч.

– Товарищ Кузькин! Василий Борисович! Кто отличился под Прохоровкой, а?! – сиял офицер. – От имени военкома Белгородской области, полковника Литвинова, хочу поздравить Вас с медалью «За Отвагу»! Нашла, так сказать, награда героя! – офицер, широко улыбаясь, переминался посреди комнаты, с коробочкой в руках.

Борисыч приподнялся у изголовья, сияясь встать... В глазах мутилось.

– Товарищ Кузькин! Плохо Вам? Воды дайте! – рявкнул офицер, обращаясь к румяному корреспонденту. – А капельки принимаете? Где ваши капельки, Василий Борисович? Может врача?

Борисыч, торопливо достал из тумбочки нитроглицерин, положил под язык. С усилием, сел на кровати. Выпростал ноги из под лоскутного одеяла. Всё не мог попасть в тапки...

– Я... Уже лучше! Не надо врача, спасибо Вам... Он торопливо проскользнул к шкафу и достал китель. Ловкий корреспондент споро помог ему облачиться.

На кителе рядом с орденом Славы, приятно звякнула медаль «За отвагу». Прицепив её, военкомовец откинул голову назад и картинно залюбовался видом наград.

– Редкое сочетание, Василий Борисович! Уж я-то разбираюсь! Вы у нас теперь – «Дважды отважный» – так говорят про тех у кого два подвига! А «Отвага» и «Слава» только за подвиг даются. Я к вам буду призывников направлять, уму разуму учиться! – офицер молодежато покрутил ус и ещё шире улыбнулся.

– Видать, побили Вы Фрица от души, если так вас командование отметило!

– Воевал как все, – тихонько бормотал Борисыч (нестерпимо в груди жгло). – Как все я воевал. Не хуже. Нормально. Как все...

В тот же день, увезла Борисыча «скорая помощь», прямо в кителе и пижамных штанах. И домой он уже никогда не вернулся.

Игра в классики

Литераторы пьют много. И маститые писатели – не исключение. А, пожалуй, даже, правило! Они пьют, почему то, даже больше. Конечно, нельзя утверждать, что тут есть какая то чётко прослеживаемая закономерность, но маститые, – пьют больше. Впрочем, почему именно литераторы? Лакают художники, квасят артисты и режиссёры! Не отстают скульпторы. Они пьют для того, что бы забыть... А потом, уже, что бы – вспомнить! Пьют от особенно острого, только им присущего, осознания несовершенства Вселенной.

Впрочем, и молодые журналисты, втихаря, мечтающие стать писателями, тоже пьют. Пьют, даже те, кто уже не мечтает ни о чём... Стараются не отстать и электрики и трактористы и механизаторы широкого профиля. Спортсмены. Тренеры.

Как они её пьют!? Но сейчас речь не об этом. Вернее – не совсем о том!

Вот, просто для примера! Вчера известный писатель Александр Мстиславович Шувалов, принял изрядно. Угостился он на презентации собрания собственных сочинений в пяти томах. Поэтому ему сегодня с утра очень не хотелось вставать. Как уже догадался наш прозорливый читатель, Александр Шувалов был – маститым писателем. Сильно пьющим. Причём писателем, которого уже при жизни, многие поспешили объявить классиком. Он был, в принципе, согласен с высокой оценкой своего вклада в литературу и, соответственно, вёл себя, как и полагается человеку, шагнувшему в бессмертие: носил шарфик с беретом, часто давал интервью и проводил встречи с читателями. Кроме того он старался лично отвечать на письма соотечественников. Справедливости ради, нужно отметить, что писем этих с каждым годом было всё меньше. Занималась заря качественно новой литературы! Менее качественной, но дерзкой.

– Нет уже прежнего читателя – рассуждал Шувалов, попирая скрипучие половицы своей древней дачи, новомодными сланцами. – Да и нет предпосылок для существования того читателя! Вдумчивого, благодарного, снисходительного... Читателя – с большой буквы! Попробуй, посели зеркального карпа в воду грязную! В водицу – не чистую! – горько размышлял Шувалов. – А тут ещё повсюду эта вечная суета, компьютерные книги... Эрзац! Повсюду эрзац!

Нет, были в жизни Шувалова и творческие вечера и пытливые студенты с их бойкими расспросами о личной жизни писателя... Много чего было. Но как то всё – не так.

Однажды, на одной из встреч с победителями школьной олимпиады по литературе, Александр Мстиславович рассказывал о махровой сусловской цензуре, о том как десятилетиями лежали «в цензорских столах», лучшие из его рукописей! Как «литнадзор» правил его тексты, заставляя выкидывать из них наиболее острые и злободневные куски! В самом начале этой его исповеди – проповеди, его речь прервала уверенная в себе девочка, с пытливым взглядом имени Отара Кушанашвили. По – взрослому прихватив губами дужку своих очков, она, волнуясь, затараторила:

– Александр Мстиславович! В своих лучших произведениях вы нам нередко, постулируете о том, что грешно впадать в уныние, нужно бороться, с трудностями... и сложностями! А ведь и вашем случае, можно было поискать куда как более креативные выходы из проблемы с цензорами! Вот скажите на милость – Вы пытались создать своё, пусть и небольшое издательство, к примеру? А если б создали? Кто б тогда помешал Вам издавать не только самого себя, но и других, близких вам по духу творцов!хлопотно? – Да! Тысячу раз – да! Но разве подобная цель не заслуживает хлопот и усилий? Мне думается – это было не более хлопотно, чем пробивать твердокаменные лбы застойных цензоров!

И завершив свой вопрос – инструктаж, девушка победоносно воцарилась на стуле.

Шувалов отвечал ей долго и обстоятельно. Он горячился и брызгал слюной. Юное дарование сопело и ёрзало, а под конец обиделось и демонстративно покинуло торжественное мероприятие. Осадок у Шувалова остался надолго! Он многое переосмыслил и понял с тех пор.

И самое главное – никогда уже не заговорить ему с этими юными вундеркиндами на одном, так понятном ему языке! Языке Пушкина, Чехова и Шувалова! А ведь контакт с молодёжью, большому художнику необходим. Беда...

А между тем, стайки творчески настроенных юнцов, продолжали бойко терзать писателя, где бы тот не появился. Козлобородые юноши, и по творчески неряшливые девы, многозначительно и по – свойски кивали писателю, одновременно всучивая свои многокилограммовые литературные опыты. Он брал. Он никогда не отказывал. Сама мысль, что сейчас он своей чёрствостью может погубить будущего классика, была так нестерпима, что ни разу его не отказался от папки с рукописями. Сколько бы – голова не противилась.

Со словами: – Мой адрес и телефон на последней странице романа! – очередной книгоноша испарялся, а добрый Шувалов при первом удобном случае открывал любую наугад страницу произведения и, почти с надеждой, погружался в чтение...

Впрочем, надо отдать ему должное, если он сталкивался с откровенной галиматьёй, то ничтоже сумняшеся отправлял бумаги в первую попавшуюся урну. Вчера, пока Александр Мсиславович, пребывал ещё «в форме», ему всучили, – аж две папки сразу. Первую – чахоточного вида молодой человек в бандане, а вторую довольно симпатичная девушка. В сарафане в горошек.

Труды парня были озаглавлены: «Битва За Святую Русь или Жития Святых Нашего Времени». С первых строк творенья было ясно, что речь идёт о лидерах партии «Единая Россия», которые как верные дружинники помогают «Великому князю» отстоять Землю Русскую. Шувалов тут же отправил сочинение ура – патриота в урну.

– «Берегитесь пафоса! От пафоса – гибнут люди!» – сердито бормотал он, совершая это ритуальное действие.

Со второй работой – было сложнее. Ведь иногда даже хороший спец не отличит настоящую литературу от чего – то очень похожего на неё. Не даром же, говорят умные люди: графоман – не тот, кто пишет плохо, а тот, кто пишет почти хорошо!

Прочтя пару страниц, Шувалов наткнулся на описание спора главного героя с полицейским.

– «Да ведь наш человек только тем и жив, что получив по одной из щёк, умеет подставить другую!» – втирал герой романа хамоватому участковому. Тот не только не соглашался, но и вдобавок к прочим своим недостаткам не любил «гостей из ближнего зарубежья». Одним словом – он был плохой человек.

– Хватит, наподставлялись уже! Щёк не хватает! – сердито бормотал Шувалов. – Я б таким писакам, Толстого – только по рецепту выдавал!

Через минуту и эта рукопись отправилась вослед первой. Сердито потирая руки, словно бы пытаясь, оттереть прилипшие от такого чтения глупости, Шувалов, вскоре вновь примкнул к празднующим его успех друзьям. С годами, писатель всё больше убеждался в том, что не один талант не может помочь раскрыться другому дарованию, равно как и помешать раскрыться таланту другого. Если, разумеется, таковой имеется! Но как это объяснить всем им, тянущимся к нему за советом и смотрящим как на Бога! Шувалов всё чаще вспоминал колоритный момент из какого то советского фильма:

– «Таланту не надо помогать! Его не надо раскрывать! Талант – виден и неистребим! Он так и прёт, и ничего с этим нельзя поделаться!» – кричал один из героев, обвинённый в чёрствости.

А на юбилее все вокруг пили и навязчиво утверждали, что он, Шувалов – большой талант! Хотя он знал это и сам. А потом, враз стало как то скучно и очень тоскливо...

И проснулся он дома, с тем же самым ощущением тоски и скуки. С трудом разлепил веки и стал тереть глаза ладонью.

– Какой же серый и унылый у меня потолок. И осень за окном. И в жизни – уже осень. Если не зима...

Шувалову было нехорошо. Нет, в магазин он не пойдёт. А дома, конечно, нет ничего. Сколько раз он твердил себе, что в квартире писателя, должен быть барчик! Хотя бы с самым простеньким, с самым необходимым! – Так нет!

Александр Мсиславович лежал на смятой, липкой постели и угрюмо глазел в окно. Осень, в этом году, явно поторопилась вступить в свои права...

Вдруг гнетущую тишину, разогнал пронзительный и какой то, черезшур долгий звонок в дверь. Кто – то из соседей? Иначе бы, консьерж позвонил сначала. Шувалов не любил визитёров, считающих, что они имеют право вот так трезвонить, да ещё поутру. Он глянул на часы.

– Вообще то уже одиннадцать... Кто бы ни был – он сейчас пойдёт в магазин, если с собой у него нету! – решил Шувалов и на ходу кутаясь в халат и одновременно массируя свалывшуюся за ночь физиономию – двинулся к дверям. Если бы он даже увидел на пороге спивающегося соседа, литературного критика, но – с «чекушкой» в руке, то и тогда бы не огорчился!

Визитёром же оказался бледный юноша, из тех, что «со взором – горящим»!

– Михаил Евгеньевич Трубецкой! Из Иваново я! – представился добрый молодец, просачиваясь одновременно в прихожую. Шувалов ощутил запах перегара.

– Вы, Александр Шувалов! Мне к Вам! Я ведь тоже пишу! – отпартовал, он скороговоркой, торопливо разуваясь. – Куда можно повесить куртку? Я вам не помешаю?

Шувалов велел не раздеваться. Прошли в комнату. Из бокового кармана канареечной куртки визитёра торчала начатая бутылка... Как сказал бы юрист – «с жидкостью коричневого оттенка, напоминающей по цвету коньяк или коньякосодержащую субстанцию». Затем оголился и край этикетки. Коньяк «Московский».

– У него коньяк! – радостно отметил Шувалов. – Неказистый, но коньяк!

– Вы – гений! – выпалил незванный, но долгожданный гость и почему то насупился.

– Почему ж я гений? – благодушно осведомился Шувалов.

– Так писать можете только Вы! – ответил гость и помрачнел ещё сильнее.

– Ещё один ценитель шуваловского творчества, – подумал писатель. – Лучше б рюмку налил. Попросить что ли?

Сто грамм бы мне сейчас не повредили. Так его ж не выгонишь потом, затеет со мной пить...

Шувалов с сомнением поглядел на странноватого поклонника.

Между тем избыточное тело писателя потряхивал похмельный озноб. Беседовать в подобном ключе с утренним гостем было против природы Шувалова. Но и выпроваживать его вместе с коньяком – было неразумно. К тому же, когда ты с бодуна и судьба, сжалившись, присылает тебе коньячок в лице такого охламона, грех не воспользоваться!

– Вы зачем пришли то, мил – человек? Сообщить мне об этом? Спасибо конечно. Но у меня сейчас много работы. Рад был познакомиться. Угостил бы вас, коньячком, да выпили всё гости. – А что это у вас в кармане? Вы, что, выпиваете по утрам? – строго спросил он.

– Нет, что вы! – Это я так, для храбрости. Перед визитом к классику нашей... в общем...

– Ну, полно тебе! Давай сюда свой коньяк! Молод ещё по утрам пить! – сказал Шувалов недвусмысленно протягивая руку за бутылкой.

Молодой человек по – солдатски, быстро и чётко выполнил команду. Шувалов принял у него коньяк. Пристально поглядел на бутылку. Взболтал, зачем то... И припал, прямо к горлышку! Обильно отхлебнув, крякнул.

– Спасибочки. В апартаменты не приглашаю, собака у меня в спальне, гостей не признаёт! – солгал он.

– А что тебе, больше всего, из моего нравится? – спросил Шувалов, вновь припадая к горлышку бутылки.

– Да буквально всё мне нравится! – и «Тюльпан Вселенной!» и «Роза ветров» и «Вечная рапсодия»...

– «Роза ветров» – не моё, сказал Шувалов, отрыгнув. – Прошу прощения!

– А «Тюльпан Вселенной» – и впрямь неплох... – продолжал он. – Я, ещё когда замысел вынашивал...

– Но я тоже могу так писать, вот в чём дело то! – внезапно перебил визитёр и помрачнел окончательно.

Шувалов, который в этот миг, вновь приложился к бутылке, поперхнулся и удивлённо уставился на смелого ивановца.

«Ой ли? Прямо таки как я!? Ну брат, у тебя и переходы! Предупреждать надо!» – сердито подумал корифей литературы.

Юноша молчал, не зная что сказать дальше. Между тем, Шувалов домучил коньяк, занюхал рукавом и, откашлявшись, промолвил:

– «Если можешь так писать, – это неплохо! Всенепременно – пиши! Дело хорошее! И выгодное. А сейчас, извини, мне пора – за работу. Буду писать – как я! Кстати, больше коньяка нет?»

– Трубецкой, я. Это фамилия такая.

– Настоящая?

– Самая настоящая!

– Хорошая фамилия. Для начала литературной карьеры. Отец кто?

– Токарь он. Высокого класса. От Бога, можно сказать! – запальчиво ответил гость и вновь помрачнел.

– Токарь так токарь... Хоть кто – то токарь, а то одни писатели вокруг... И юристы с экономистами! Не кого на х... послать! Слушай, я к тебе прямо из – за письменного стола, на «Нобелевку» иду, пишу круглосуточно. Как, бишь, Тебя? Воронцов? Рад познакомиться!

И схватив гостя за вялую ладонь, Шувалов энергично и недвусмысленно потряс её, одновременно оттирая гостя к двери. – До свидания, коллега! Ты, давай, пиши, а я порадуюсь твоим успехам!

– Александр Мстиславович! Я чувствую, что Вы не верите в мой талант! Как же это всё банально... С одной стороны – живой классик, а тут... Мальчик бухой припёрся. Но ведь я явный талант! Я бы иначе и не приходил! Моё имя уже давно бы было Вам известно, гремело бы! Но мне приходится отвлекаться на всякую суету, на пустое! Я работаю, на фабрике, в горячем цехе. А вы хоть знаете, писатель, что такое – горячий цех!? – вдруг взвизгнул гость фальцетом. – Из труб сифонит раскалённый пар! И пар этот – влажный! Башка трещит, так – будто в стиральной машине побывала! И неизвестно почему в – вокруг пахнет ссаным! Мизерная надбавка за вредность... Вашей собаке такой надбавки на корм не хватит! А Вы... Получаете огромные гонорары... А много бы вы написали в горячем цехе!? – тараторил юноша.

– Не припадочный ли? – думал Шувалов, опасливо поглядывая на гостя.

– Не знаю, не знаю. Никогда в горячих цехах не писал... Эээ... Если не считать древней пьесы про сталеваров. Заходил тогда в цех разок. Действительно – душно там. От меня то ты чего хочешь!?

Вот этот вопрос, Шувалов задал зря! Он был слишком конкретным. Молодой человек расценил его как сигнал к главной цели.

– Помогите мне, хоть сколь –нибудь значимо деньгами и я погружусь с головой в творчество! Я создам шедевр, я всё до копейки верну. – вещал юноша, глядя на шуваловские тапочки. – Я напишу «Войну и мир» и «Сто лет одиночества» в одном флаконе! В отсутствии денег – корень моих творческих застоев!

Некоторое время Александр Шувалов с любопытством разглядывал взбудораженного юношу. Ничего не говорил. Затем откашлялся и...

– Ну ладно, убедил! – И Шувалов, шумно сопя, полез в комод. Не веря своей удаче, Михаил следил за руками писателя, как следят за руками фокусника! Он даже пританцовывал. И бормотал: – «Я ведь отдам, Вы ж меня знаете! Эх, дорогой Александр Мсиславович... Я смогу...»

Между тем Шувалов не извлёк из комода толстого бумажника. И чековой книжки тоже не было в его руках... И, веера из засаленных ассигнаций не было.

Вместо всего этого, писатель протянул Мише стопку чистой бумаги и карандаш.

– На. Вот, тебе, полковник Трубецкой, карандаш и бумага! Это стоит рублей десять. Отдавать не надо. Напиши и принеси мне две главы будущего шедевра. – Нет, лучше, перешлешь по почте! Если это потянет на Толстого... хотя бы на Алексея... Я... обещаю тебе помочь. И помни, я не завистлив к чужому дару. Так что твори смело, не боясь меня превзойти и унижить. До свидания!

Не успел Миша покинуть лестничной клетки Шувалова, рассеянно глядя на пачку чистых листков, как взбодрившийся классик, уже вовсю, распекал по домофону консьержку, превратившую подъезд элитного дома в проходной двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.